

Иван Киреевский. [Введение к библиографии]

Оригинал находится здесь: philolog.ru

Новый 1845 год будет ли новым годом для нашей словесности? Подарит ли он ее каким-нибудь великим, гениальным созданием, могущим поднять ее упавший дух, оживить ее застывающие силы, убить, уничтожить ее мелочную деятельность и направить к новой существенной цели, к живой жизни, проникнутой мыслью, согретой сочувствием, вдали от журнальных пересудов и торговых расчетов? Или суждено литературе нашей еще и этот год томиться в той же незначительности, в какой она находится уже несколько лет. Мудрено отгадать будущее; еще труднее предугадать гениальное. Все расчеты обыкновенных соображений приходятся только к посредственности. Но если бы мы позволили себе на минуту предаться тому мечтательному занятию, тому святочному удовольствию, чтобы, глядя на прошедшее и настоящее, разгадывать будущее, то вряд ли это удовольствие гаданья могло бы доставить нам много утешительного. Когда бы у нас не было замечательных талантов, мы могли бы забавляться их ожиданием. Если бы у нас не являлось замечательных литературных произведений, мы могли бы надеяться, что они явятся. Но у нас есть люди с высокими дарованиями, от которых мы могли бы ожидать великого; являются иногда и создания их, исполненные высших достоинств, а между тем литература наша не живет, ее интересы спят, и сочувствия с нею не заметно почти нигде. Оттого что слишком редкие высокие явления нашей словесности исчезают почти без следов среди громады мелочных ничтожностей; оттого что на наших писателях с высшими и даже с посредственными дарованиями лежит какая-то странная тяжесть бездействия, в котором мы не можем даже упрекать ни одного из них потому, что не вправе приписать вине одного лица то, что, очевидно, есть общее состояние. Прошедший год видел несколько блестящих литературных явлений: "Наль и Дамаанти"[1], создание, исполненное самой свежей красоты, самых ярких красок, самых нежных благоуханий Востока, проникнутое, одушевленное тихой музыкой сердечной мечты; "Маттео Фальконе"[2], произведение удивительное по мастерству стиха, по глубокой правде и образцовой простоте языка, и несколько других явлений, которые, однако же, не имели почти никакого влияния на текущую словесность; они пронеслись мимо ее, над нею - блестящие метеоры, - не оставляя видимого следа и сохраняясь только в воспоминании, резко оторванном от ежедневных впечатлений. Более, чем немногими прекрасными явлениями, прошедший год памятен будет в литературе нашей своими незаменяемыми утратами. Баратынский, певец любви, печали, сердечных дум и сердечных сомнений, своеобразный поэт, высокий, глубоко чувствующий художник, искренний в каждом звуке, отчетливо изящный в каждой мечте, похищенный преждевременной смертью, оставил в словесности нашей несколько прекрасных созданий, не оцененных по своему достоинству, но почти ничтожных в сравнении с тем, что он мог бы сделать, если бы возможность деятельности измерялась одною силою дарований. В последнее время писал он особенно мало и еще менее был понят и оценен монополистами литературных мнений, самодовольными журнальными судьями, которые часто полурусским языком произносили приговор свой над его образцовыми, глубоко прочувствованными стихами; часто, по указанию ученических тетрадей, разбирали, щупали, ломали его нежные, художнические создания и, может быть, из доброго намерения давали ему свои назидательные советы и наставления. Не знаем, огорчало ли это Баратынского; думаем, что он мог бы утешиться приговором иных, не менее известных литераторов, как, например, Жуковского, Пушкина, Вяземского, Языкова, Хомякова, Дельвига, Дениса Давыдова, Шевырева, и многих других. Но кто разочтет по законам благоразумия меру чувствительности избранного таланта? По крайней мере, кажется, в последнее время, обманутый журнальными отзывами, он уже мало верил сочувствию публики. А может быть, в самом деле, он не ошибался. Может быть, большинство публики в своих сочувствиях не шутя руководствуется журнальными рецензиями, такими, разумеется, которые по сердцу, и по уму, и по вкусам этого большинства.

Место, принадлежавшее Баратынскому в нашей словесности, навсегда останется незанятым, и, может быть, еще долго не оцененным. Ибо даже после известия о его кончине журналы наши произнесли ему такой приговор, из которого ясно видно, что еще не пришло время отдать полную справедливость его поэзии. Один "Современник" был в этом случае, как и во многих других,